

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ДНЕВНИКЕ СОЧИНЦА А.З. ДЬЯКОВА (Окончание)

Реконструкция картины повседневной жизни советского общества в годы Великой Отечественной войны невозможна без введения в научный оборот такой малочисленной, но, очевидно, незаменимой для решения подобного рода задач группы источников, как дневники обычных людей, «среднестатистических» советских граждан. Дневниковые записи обычно велись в достаточной мере образованными, чуткими к собственным переживаниям и общественным настроениям людьми. К их числу принадлежал сочинец Александр Зиновьевич Дьяков, который начал свой дневник на волне эмоционального подъема первых дней войны (для этого наскоро сшил тетрадь из кусков обоев) и продолжал его с большой систематичностью на протяжении двух с половиной лет.

Александр Зиновьевич Дьяков (1892—1959 гг.) происходил из терского казачества, участвовал в Первой мировой войне. В 1918 г. — член военной секции Пятигорского казачьего Совета, делегат 1—5 съездов народов Терека, член Терского народного Совета (с января 1918 г.), председатель казачьей фракции Совета (с июля 1918 г.), редактор газеты «Терский трудовой казак». Участвовал в разгроме бичераховщины в Георгиевске. С сентября 1918 г. председатель Военно-революционного совета станиц Сунженской линии, организатор и командующий «советскими войсками Сунженской линии». С января 1919 г. член комитета обороны Терской области. В декабре 1919 — марте 1920 гг. начальник штаба и председатель партийного комитета повстанческого Дербентского фронта. В 1919 г. награжден орденом Красного Знамени. В дальнейшем А.З. Дьяков находился на партийной работе, в 1937 г. пережил «клевету». К началу Великой Отечественной войны он заведовал технической библиотекой на узловой железнодорожной станции Сочи.

Настоящая публикация позволяет дать еще более полную версию дневника. Авторский стиль и манера написания по возможности сохранены, пунктуация выправлена в соответствии с современными требованиями. Сокращенные места отмечены многоточием, взятым в угловые скобки. Вставки отдельных слов произведены в соответствующем месте в тексте документа.

Сведения об авторе:

Тажидинова Ирина Геннадьевна, канд. ист. наук, доцент кафедры социологии КубГУ (г. Краснодар).

1 февраля 1943 г.

Наконец заглянул в свой дневник. В конце дневника обнаружил записи Панюши без меня. Видать, тяжело пережила она мой отъезд на фронт, но молодец, все же она не теряла надежды на мое возвращение, и ее надежды оправдались: 23 января 1943 года я вернулся в Тбилиси из Нальчика. Приехал в Дигоми со своим соратником Анатолием Алексеевичем Друсс (18 лет). Паня меня не узнала, да не только она не узнала. Зарос бородой как шестидесятилетний старик, вид ужасный – грязный, оборванный, три с половиной месяца не купался и не сменял белье – но Паня была рада и такому... Сбежались соседи и поздравили с приездом. <...>

Все эти дни приходилось рассказывать о фронтовой жизни, но удастся передать мало – не подберешь слов для передачи всего виденного, пережитого на фронте и в тылу врага. Стал курить много.

8 февраля

<...> Предлагали в ЦК работу начальником хозяйства зелентреста вблизи Дигоми. Я пока отказался до 1/03, а потом будет видно, возможно, мы выедем обратно в Сочи. В Грузии, вероятно, мне не работать, очень сильно развит национализм, а я всмерть ненавижу это. Даже в комендатуре ЦК партии дежурный по выдаче пропусков маринует у окошка русских и др., а грузинам выдает пропуск через голову. <...>

16 февраля

Сегодня я в город не иду, надоедает ходить. Хорошо, что еще не работаю. Ежедневно ходить 8–10 км – это безобразно. Получить квартиру в городе не приходится и думать. Даже Казаченко выразил эту мысль и посоветовал найти работу поближе к селу Дигоми. Я, конечно, «поблагодарил» его за совет и себе удивился: как он допустил себе эту мысль. Я бы на его месте заставил кого угодно найти квартиру для такого человека, который добровольно бы жертвовал собой за Родину против фашистов, исколесив до тысячи километров в тылу врага и вернувшись истрепанный до крайнего предела. Это его бессилие или отсутствие Сталинской чуткости. Он даже сам не догадался распорядиться о выдаче мне продуктов на питание по приезде в Тбилиси, пока я через три недели не попросил его об этом. Разрешил выдать 10 кило муки, 20 кило картошки, 1 кило манной крупы, 1 кило макарон, литр растительного масла, 10 пачек папирос и 1 кусок хоз. мыла, а денег – ни копейки. Перед отъездом в командировку сказал, что будут платить жене зарплату 800 руб., а платили 500 – я не спрашиваю о разнице, а Казаченко не напоминает. Ну ничего – не пропадем. Так всю жизнь мне «везет» – обязательно ущемляют. Нет работы в Тбилиси – я не останусь, уедем в Сочи и чем скорее, тем лучше. Числа 24/03 надо выехать, а оттуда свяжусь с Орджоникидзе с крайкомом и попрошусь работать в Георгиевском районе или в другом, где побывали немцы, чтобы отдался работе по ликвидации последствий немецкого пребывания там.

P.S. Я бы не возражал и дальше на Запад на работу, где, вероятно, требуются партийные работники. Ведь Красная Армия все идет вперед. Надо полагать, что к 15/03 немцы оставят Крым, вышибут их из Украины и Белоруссии. К 1/04 освободится Прибалтика, Польша, Чехословакия, Бессарабия, Румыния станет нашим плацдармом для освобождения балканских стран. К 1/05 Германия должна капитулировать под давлением с востока и с юго-запада.

21 февраля

<...> Решил выехать из Тбилиси 26/02. Паня начала уже собираться. Анатолий тоже рвется на родину на Украину. В Тбилиси его не удовлетворяет обстановка. Хочет устроиться в армию по своей специальности радиста. <...>

22 февраля

Дома опять Паня не топила, из-за ветра весь дым идет в квартиру – холод смертельный. Паня согрела картофель с соусом и чаем, но тут же опять остыл – пришлось проситься к соседке Юзе погреться – у ней тепло и уютно – сыграли в карты в дурачка. Спать легли в 24 часа в холодной квартире. Ну ничего, хоть в холоде, но не в голоде. Тбилиси сейчас – самый сытый город – все можно достать – хлеба много, вина, водки, фруктов сушеных и свежих достаточно по 40 р. кило. Мандарины по 5 р. за 2 штуки. Вино 24 р. за литр. Даже шам-

панское и коньяк. Театры и кино работают превосходно. Только трамвай всех замучил. В городе вообще чисто. Хулиганов и воришек хватает.

23 февраля

День Красной Армии. Сегодня исполнилось 25 лет нашей героической народной Красной Армии. Слава нашей армии и ее полководцам во главе с гениальнейшим стратегом Иосифом Виссарионовичем Сталиным! Я удовлетворен тем, что и мне пришлось участвовать вначале в создании нашей армии и в ее рядах биться с оружием в руках за нашу Родину на фронтах Гражданской войны и современной Великой Отечественной войны, в которой также участвует мой любимый сын Виулен в бронетанковых частях. Но что-то от Виулена нет вестей. Жив ли он – нет адреса нового, а на письмо, посланное в Рыбинск, ответа нет уже 5 месяцев. Хочется написать ему о себе, что и я принял участие в Отечественной войне. <...> Но я не удовлетворен тем, что опять нахожусь на положении «мирного» обывателя села Дигоми. <...>

Паня пошла по селу реализовывать свой оставшийся керосин ввиду предстоящего отъезда в Сочи. <...>

В городе, вероятно, начался парад войск: в воздухе реют самолеты, делая виражи высшего пилотажа, наполняя сердца патриотов радостью и уважением к Красной Армии.

Пришла Паня, почти плачет, со словами «черт их возьми – мне продавать ничего нельзя – хоть даром отдавай. Сама купила по 10 р. литр керосина в городе, тащила 6 км, а дают тоже 10 р., своих денег не вернула». Позавтракали и начали связывать узлы в дорогу. Наберется до 6 мест – удастся ли влезть в вагон?

<...> По улице прошли грузины – подтянутые, в шинелях, стройные и гордые. Как они любят рисоваться в военной форме! Но многие желали бы только «рисоваться» – форсировать дома, а на фронт пусть идут другие. Многие уклоняются от призыва в армию. По поводу этого даже ходит анекдот по городу, что, когда призывника осматривают врачи, он условно рукой показывает, где у него болит. Если одной рукой – 5 тысяч обещает врачу, если другой – 10 тыс. руб. Если к груди еще раз приложит руку – 15 тысяч. Тогда, мол, врач его «бракует» – освобождает.

26 февраля

<...> Паня тоже переживает каждую мою удачу и неудачу, что за женщина? Проста, но высоко сознательна. Многие претендуют быть интеллигентными и культурными, но далеко стоят позади ее. Она к тому же достаточно развита политически. Она всегда стремится к хорошей культурной жизни, но и способна жить в самых тяжелых условиях.

<...> Итак, мы сегодня не едем. Уедем ли 1/03, будет ли исправна машина НКВД? Хорошо бы воспользоваться военной машиной – артиллеристов. Сегодня заходил нач[альник] [не-разборч.] батареи, смотрел нашу комнату для себя – обещал машину. <...>

27 февраля

Прибывший из Сочи ревизор говорил о плохой жизни в Сочи: хлеба нет – дают вместо хлеба кукурузу в зерне, на рынках почти нет ничего: кило чесноку – 250 р. Проехать из Сочи до Сухуми трудно – шофера военных машин «берут только за водку». Был у т. Казаченко: передал заявление и «образцы» сухарей, выдаваемых в селе Дигоми вместо хлеба. Он направил для принятия мер как по факту вредительства (гнилые сухари выдаются эвакуированным, которые берут со слезами и ругают советский рай). <...>

28 февраля

<...> Когда сидишь в комнате один, невольно в голову лезут разнообразные мысли. Вот сегодня, например, лежу на кушетке и думаю, выполнил ли я свой долг перед Родиной? Формально – да! Другой бы кичился тем, что я проделал за период войны. Но я очень недоволен собой и какой-то стыд одолевает меня за незначительное участие в борьбе с врагом нашей Родины. Правда, я с самого начала войны старался отдать все свои знания как агитатор – сделал за год около 300 бесед и докладов на международные темы, о текущем моменте и т.п. Во всей своей работе и в быту старался показать пример настоящего патриота-большевика. Я пошел в тыл врага лично с беспартийной группой и громили его беспощадно, немногие вернулись. <...> Но вот теперь я опять возвращаюсь к прежней работе на

производстве. Могу ли я спокойно работать? Кажется, нет! Нет, потому что враг еще не разбит. <...>

1 марта

Если придет машина, то мы едем сегодня в Сочи № 44 в 20 ч. 20 м. Едем в Сочи как в «освобожденный город» и как будто опасность миновала вовсе. <...>

Итак, мы покидаем Тбилиси, с которым связано много воспоминаний и вопрос жизни и смерти.

23 марта

В Сочи прибыли 10/03 – уже 2 недели, а я первый раз заглянул в дневник. <...>

Путь был нелегок. Из Тбилиси до Сочи мы ехали 10 дней, точно как от Москвы до Владивостока. Девять дней ехали воинским эшелонем. От Сухуми на машину сесть было невозможно: 200–300 р. с человека (частным образом – военные). Хоть я и получил «бронь» от отдел[ения] НКВД на рейсовую машину, но отказался ехать, т.к. наш багаж не брала станция союзтранса – брали не более 2–3 чемоданов (у нас 9 мест). Пришлось присоединиться к группе железнодорожников и хлопотать вагон. С большим трудом разместились (15 человек). Еще до Сухуми у нас украли одно место – большое цинковое ведро, в котором находилось сало – кило (выменял на шинель), повидло – 1 кило, бутылка коньяку, пачка чая, посуда (любимые кружки и пр.). Это здорово нас подвело (Паня плакала), поэтому мы ехали полуголодные. <...>

В нашей квартире оказались жильцы – зам[еститель] нач[альника] службы тяги Белый Сергей Сергеевич с женой Асей. Вещи внесли на кухню. Сбежались соседи – Кожевникова, Малявцева и др., поздравляют с приездом, рассказывают о сочинских новостях, о своих муках и переживаниях за 7-месячный период. Клавдия Максимовна позвала к себе – что-либо покушать. Мы с Паней, голодные как волки, с удовольствием покушали. <...>

На второй день Белый заявил, что он хозяин квартиры – так ему сказал якобы начальник [неразборч.] Кочиев. Мочалин (начальник отделения НКВД) обратился к Кочиеву – он подтвердил права Белого на мою квартиру. Я возмущен, пошел к Мочалину – тот удивился таким поведением Белого, который к тому же спит на моей кровати и пользуется мебелью и посудой, посоветовал подать письменное заявление в [неразборч.]. Я подал, изложил свои права и как вернулся из служебной командировки. На 2-й день Кочиев наложил Дикопольцевой (управдом) резолюцию – «переселить Белого в квартиру Новикова». <...>

Я вначале думал, что вопрос все же разрешится быстро, однако проходит вторая неделя, а домком не думает искать квартиру Белому, а Белый уже привык и стал проявлять нахальство, т.е. живет как хозяин квартиры. Паня поневоле превращается в домработницу для Белых – убирает квартиру, выносит помой и т.п. Жена Белого нежится. Придется действовать через прокурора.

Очень голодно сейчас в Сочи. Хорошо, что мы привезли из Тбилиси муки с пуд, картошки тоже, луку 5 кило, растительного масла 2 литра. Чепурышкин предложил получить огород, но я отказался – Паня, сообщая с Клавдией Максимовной, уже взяли кусок земли около дома. <...>

По приезде получил письмо от Вили. Он писал 20/01.43 г. из Калуги – лежал в госпитале. <...>

Оставшиеся работники Туапсинского отделения пережили много, особенно в Туапсе. Многие награждены. <...> Комаров в обиде, что его не наградили. Он живет все прежней жизнью – кушает, спит точно по расписанию, не голодает и почти не работает. Жена его устроилась директором госбанка. Придется и себе халтурить: я согласился проводить агитмассовую работу в буфете, чтобы получать обед. Эту комбинацию придумал Комаров. Я согласился. <...>

26 марта

С тех пор как мы приехали, в Сочи было три воздушных тревоги, один раз бросал бомбы, зенитки били хорошо (ночью), но прожектора работали плохо. Настроение у населения опять упало после оставления нами Харькова, Лозовой, Ворошиловграда и др. <...>

P.S. Белый все еще живет в моей квартире. Вчера обращался к прокурору отделения. <...> Я же с женой и вернулся из служебной командировки – с фронта, где жертвовал головой за

родину, бил врага с оружием в руках, в тылу врага?! Какие ничтожные или нечуткие люди находятся на руководящих постах, да еще на таких. <...>

На ж.д. узле такая вакханалия с квартирами ввиду бездействия и пьянки руководит[еля] [неразборч.] Десятникова и его заместителя Кочиева. <...>

В библиотеке адская сырость. Книги гибнут. Сотрудники не могут работать, стынут ноги, и в агитпункт не идут из-за холода рабочие. <...>

3 апреля

Получил письмо от Вили из Москвы от 3/03.43 г. Пишет, что он до сих пор за 7 месяцев не получал от меня писем – черт возьми! Как хочется повидаться с Вилей. Он теперь возмужал и окреп, спец. знаниями обогащен. Пишет, что ждет отправки на фронт.

Сегодня на партсобрании меня избрали опять секретарем первичной парторганизации. Придется опять запрыгаться. Ладно, постараюсь. Я люблю партийную работу во всех отношениях. <...>

6 апреля

<...> И все же они чудачки – живут в нашей [квартире] с нами в одной комнате – чужие, сами стесняются и нас стесняют до безобразия. Не могу же я искать им квартиру или поднимать скандал в целях вытеснения из квартиры – это не в моей натуре. Вероятно, все же придется осмелиться, иначе они по глупости и привыкнут. <...>

12 апреля

Быстро идут дни – это от «нагрузок». Теперь я:

- заведующий технической библиотекой;
- заведующий агитпунктом;
- секретарь парторганизации;
- агитатор 2-х коллектив[ов] (буфет, вокзал);
- участник всех заседаний узлового парткома и проводимых им узловых совещаний.

Кроме того, нужно посещать семинары в гор[одском] агитпункте и горкоме. Все бы ничего – успел бы, но надо еще время тратить на жратву. Да, питание в Сочи совершенно расстроилось, многие еле ходят и даже перестали искать где-либо продукты, многие еще возмущаются, что руководство не проявляет инициативу – но процентов 40 жел. дор[ожников] живут неплохо – это те, кто имеет возможность получать «посылки» или просто ездить за продуктами, пользуясь служебным положением.

16 апреля

<...> Встал сегодня с больной головой в результате вчерашней [неразборч.]. Выпил на голодный желудок, сразу стал пьян и даже стошнило. Сегодня Паня стирает испачканные одеяла и наволочки, подшучивает, обзывает «пьяницей». Этот случай произошел впервые. Угостил Сергей Сергеевич и Ася, за компанию с участием Ивана Афанасьевича. <...>

21 апреля

Встали с Паней в 6.30 потому, что Паня сегодня идет впервые на работу в государственное учреждение. В прошлом она работала батрачкой в сельском хозяйстве, домработницей и т.п. Десять лет она домохозяйка. Поэтому сегодня она переживает как какой-либо торжественный праздник.

23 апреля

В 7 ч. мы с Паней уже на ногах, кое-что покушали, и она ушла на работу к 8 ч., Ася за хлебом, а я до 9.45 прослушал все известия и статьи, направился также на работу. По радио все еще пока «без существенных перемен».

24 апреля

Домой пришел в 9.30 очень усталый и даже неохота кушать. У нас была Клавдия Максимова с Аллой, рассказывала, как и кто «тащит» из траснторгпита, с севера и т.п. У Аси муж Белый на севере, а у ней гостит подруга из Гагры – купила платье за 1700 р. Видать, что-то

привезла и продала, не иначе как водку. Белый тоже этим занимается, его жена купила два платья сразу аж за 2 тысячи, другое за 1800 р., а у меня вот уже два месяца ни копейки! <...>

25 апреля

<...> Понравился базар, всего много, но цены высокие. Я не смог почти ничего выбрать. Смотрю – кучка людей, все едят мясо и подхваливают: «хорошая свининка». Посмотрел и соблазнился – попросил кусочек грамм в 50–60. Жареное мясо с жирком, как настоящая свинина. Попробовал, откусил и сразу [понял], что это не свинина. Удивился, и все засмеялись – оказалось мясо дельфина. Обрато торговка не берет, пришлось заплатить 10 руб.

27 апреля

Получил зарплату 1/2 апреля как нач[альник] агитпункта 250 руб. Домой пришел к 8 ч. Паня лежала болела, вернее, устала от земляной работы на обороне.

30 апреля

<...> Вечером с Паней получил «паек» по списку актива политотдела, в том числе 1 литр водки, 2 литра вина, 1 1/2 печенья, 1 литр раст[ительного] масла. Поужинали с вином втроем – Паня, Ася и я. Вино хорошее, мадера 45 р.

1 мая

<...> Как я мог выдержать 4 месяца в тылу врага, бродя по кавказским горам? Удивительно, а здесь то там, то там заколет и ощущаю адскую боль такую, что она выбивает из колеи.

6 мая

<...> Настроение у рабочих сегодня повысилось, несмотря на отсутствие хлеба ввиду успехов Красной Армии на Кубани. <...>

13 мая

<...>

Белые еще живут в моей комнате. Шоров еще не выехал, как выедет, так Белые переселятся в его квартиру.

25/04 на ст. Кубань крушение 72 поезда с людьми – много жертв. Начальник станции Немец и др. отданы под военный трибунал.

15 мая

В 7 ч. сел за подготовку лекции. Женщины – Паня и Ася Белая – спят. Белый вчера выехал куда-то. Как мы устали с Паней от совместного сожительства с Белыми! Теперь и настаивать о выселении их или обострять отношения нет повода, т.к. он уже имеет ордер на квартиру бывшего начальника депо Шорова, который должен выехать вскоре в Армавир. Паня теперь работает, а мадам Белая чувствует себя гостьей. <...>

16 мая

<...> Получено от Вили 5-ое письмо, в котором он все разыскивает нас – 8 месяцев. Как это меня расстроило, сердце не выдерживает, на глазах слезы отчаяния. Пишет: «Дорогой папочка, где ты?»

17 мая

<...> Только что получил письмо от друга, равного сыну Ю., – от Друсса Анатолия, моего соратника в тылу фашистской армии – юного патриота. Это письмо так же принесло мне радость, как будто бы я получил от сына Виулена. <...>

19 мая

<...> В 19 ч. слушал лекцию Лобова «О кризисе в фашистском лагере» 2 часа. Были Комаров с Комарихой и 3 путейца. <...>

25 мая

За день я устаю, работая в 3-х лицах, да дома в одной комнате две семьи – нет возможности даже раздеться или о чем-либо вслух порассуждать. <...>

23/05 с Паней и Асей смотрели кино – «Секретарь райкома». Прекрасное. <...>

28 мая

<...> Днем в клубе награждали орденами и медалями 23 железнодорожников Туапсе.

После награждения – обед в столовой с вином. Меня не пригласили и не учли вначале, но я и не претендовал на приглашение, как вдруг прибегают инстр[уктор] политотдела Дмитриев и утащил в столовую – говорит, послал к Вам нач[альник] политотдела т. Фекордатов. За столом выступали некоторые. После обеда Данышин долго говорил комплименты мне, будто читал книгу Разгон[а] обо мне и дал оценку моей «политической грамотности», затем высказал свою обиду, что его обходят и не представляют к правительственным наградам, тогда как он все время рук[оводил] отделением, говорит, что его шельмовали за то, что жена соседку поила «святой водой», а он, значит, не смог воспитать свою жену – «тебя ведь тоже «обоссали», – говорит он, – я так и не понял, что он под этим подразумевает. Возможно, о клевете на меня в 1937 г., но это в данный момент меня не унижает. Вот время, да!..

29 мая

<...> Встал ночью в 2 ч. 30 м. – разбудила сильным скрипом чета Белых. Занимался разной литературой и анкетами. В 5 ч. лег и до 6 ч. спал.

<...> Политотдел 22/05 написал приказ о моем назначении освобожденным секретарем парторганизации ст. Сочи с 1 мая со ставкой 650 р. <...>

30 мая

<...> Наконец, чета Белых выбыла из нашей квартиры на Красный Хутор. Как хорошо! Можно раздеться и свободно дышать. Паня тоже довольна.

1 июня

В 6 ч. в последних известиях ничего нет существенного, но под Новороссийском идут жесткие бои. На Сочи уже 2 недели нет налетов. <...> Что-то все же долго длится затишье – следует ожидать оживления на фронтах в июне месяце. Сочинский призыв молодых 1926 г. рождения уже под Новороссийском в горах.

3 июня

На бюро горкома я утвержден освобожденным секретарем парторганизации станции. <...>

4 июня

Слушал закон о 2 займе военного времени. В 18 ч. в зале вокзала состоялся митинг – я выступал 25 мин. Выступало 6 человек.

5 июня

К 10 ч. закончена по станции подписка на 100 %. 112 человек подписались на 43700 р. По фонду зарплаты 38500 р.

6 июня

По пути из бани надергал редиса на своем огороде 3-4 пучка по базарным ценам на 40–50 руб. Редис крупный и вкусный.

7 июня

<...> Два раза возвращал заявление Калабину о вступлении в партию из-за сухого текста, ничего не говорящего, что он подготовлен для вступления и что его побуждает именно в данный момент вступить в члены партии. <...>

12 июня

<...> Из села Вески сообщили о смерти мамы Паниной и о погибшем на фронте родном брате Пани – Косте. Хороший был человек, я лично его знал, в 1940 г. гостил у него – очень симпатичный. Паня сильно плакала, невозможно было ее унять: сразу два горя. Сестра Лиза тоже не имеет сведений о муже Феде и после смерти мамы осталась с 3 малыми детьми – 3,7 и 11 лет. Получает пособие 150 р. Да, много горя и слез принес кровавый Гитлер!

16 июня

Вчера военный трибунал судил Дикопольцеву за прогул – оправдал. Помогли влиятельные люди.

20 июня

Были на дневном спектакле с Паней в Сочинском театре. Смотрели «Ночь ошибок» грузинско-русского театра им. Грибоедова. <...>

22 июня

2 года войны с фашистской гидрой. <...> Вызвали жертвы:

немцев убито и плен – 6 400 000 чел.

наших – советских – русских – 4 200 000 чел.

Все нет 2-го фронта – готовится. Близится решительный бой, необходимы большие резервы при отсутствии 2-го фронта. Я думаю, меня могут зачислить в строевые, в крайнем случае, в нестроевые – мне все равно. Я не возражал бы в строевые, но болезнь позвонков может часто выводить из строя. <...>

24 июня

<...> По радио все еще «ничего существенного».

25 июня

Успел час пожариться у моря и выкупаться первый раз в 1943 г. Дошел до станции к 5 ч. голодный. Успел покушать в буфете – удачно и тотчас побежал на смену читать политчас. Люди были в сборе – рассказывал о появлении жизни на земле, развитии жизни и человека, человеческого общества, остановился до классового периода. В 18.30 побежал к лектору горкома ВКП(б) тов. Николаеву. В 19.15 т. Николаев прочел лекцию на тему «О международном положении». Прочел хорошо – обстоятельно – 1 ч. 40 м. Присутствовало свыше 200 чел. <...>

26 июня

<...> К 9 ч. к хирургу, получил от хирурга заключение в 10.15 – «ограниченно годен». Это у меня было в 1940 г. В 1941 г. снят вовсе с учета, а теперь вновь буду, вероятно, взят на учет. Но характерно – состояние стабильное – хронич[еское]. Заключение врачей не соответствует. Сами они слепы – опираются на того, кто первый сказал, требуют документы, что ты лечился. Это для них авторитет, а сами не смогут дать диагноз: или трусость, или малая квалификация, или директива сверху? <...>

Попутно зашел в сберкассу получил пенсию за 5 месяцев по 200 руб. – 1000 руб. Черт возьми, оказывается, не прибавили пенсию, которая закончена июнем месяцем. <...>

27 июня

<...> Пойти бы на море, но Паня стирает. Она рассказывает нелепые сказки – будто в море много плавают трупов моряков и бойцов, принесенных речками с гор. Есть и фрицы. От этого у купающихся получается «столбняк». Какая ересь, и она имеет свое хождение среди женщин.

Объявлена В.Т., длившаяся до 20 ч. <...>

28 июня

<...> Радио передало: «ничего существенного». Вчера потоплена одна подводная лодка в Черном море (это у Хосты). <...>

30 июня

Прошел комиссию вне очереди, признали ограниченно годным – зачислили [в] нестроев[ые].

7 июля

<...> Паня сообщила очередную брехню, что Халтурин живет с двумя женами, с Тосей и Лиманихой. <...>

8 июля

Радио передало результат трехдневных боев армии на Курско-Белгородском направлении. 30 тысяч гитлеровцев уничтожено, 1500 танков. <...>

На планерке сообщил о боях на Курском направлении.

В 10 ч. приехал Ладатко, назначен начальником станции. Я очень доволен.

Получил письмо от Вили с фронта из-под Ельни – Смоленское направление. Это за год первое письмо, [которое] отвечено непосредственно на мое письмо. Я же получил от него 10 писем, он – 2. Чем объяснить – трудно. <...>

9 июля

Облачно – прохладно. В 5.30 открыл окно – мимоза брызнула свои запахи в окно. <...>

Просидел у Комарова с Ситенко 2 часа. Обсуждали список работников для посылки в Белореченскую на восстановительную работу. Выделили 6 человек. Там числ[лилась] Дикопольцева – я возразил ввиду незаконченного дела в горкоме и по соображениям чисто тактическим. Она откажется по врачебной справке и будет говорить, что ее выдвинули по личным счетам. Сегодня Паня получила от Вили письмо.

11 июля

<...> Принес со своего огорода 50 шт. свежих хороших сладких огурцов. Засолили штук 10. Обедал дома с вином. Вечером Ася принесла свежей картошки. <...>

16 июля

Радио передает оперативную сводку, вчерашнюю, об успехах на Орловском участке фронта. В 6.20 ушел на станцию. На планерке сообщил о прорыве нашими войсками немецкого фронта. <...>

17 июля

<...> Сегодня провел 5 бесед по международному положению и чтку газет. Собрал 25 огурцов на огороде и обнаружил пропажу красных помидор, сорваны первой завязи – мерзавцы! В 19.30 сирена объявила В.Т., паровозы подхватили. <...>

19 июля

<...> Радио сообщило, что на орловском направлении наши продвигаются. В Краснодаре повесили 6 предателей, пособников гестапо – раньше не вешали. <...>

Ушел на семинар секретарей, слушали Лобова о международном положении и текущем моменте Отечественной войны. Лекция длилась 2 ч. 20 м. – утомительно слушателям – 3 раза придремал. <...>

20 июля

<...> Заполнил стандартную справку на получение карточек (хлеба и продуктов) на август месяц 1943 г. Карточки литер А – 700 гр. хлеба, а с 1/08 предполагается 800. Многие скулят: «мало», «плохо с питанием, снабжением». Мы с Паней – «бедные середняки», как выражаются в Сочи, но никогда не хнычем и не попрошайничаем, потому что Паня умеет вести «хозяйство» на редкость. Если надо, она одно кило хлеба растянет на трое и более суток, а если можно, она сделает хорошие блюда и обильно – молодец!

Получил талон на овощи. Паня уже получила капусту, свеклу, огурцы, редьку. Куда девать? Отказаться нет основания. Паня говорит: «Буду продавать» – это вроде «спекуляция»?

29 июля

<...> Паня разбирает барахло и убирается после побелки – обнаружила, что из шифоньера пропал фотоаппарат – моя премия за редакторство в узловой ежедневной газете – еще с plombой. Улики все на Белого – безобразие. <...> В общем, Паня расстроилась и убеждена, что аппарат взят Белым. <...>

1 августа

День железнодорожника. Выехали на воскресник – 28 чел. – грузить дрова для станции. <...>

Пришла Паня – еле двигается – устала, тоже была на воскреснике, выгружали овощи, груши, яблоки. <...>

Паня пошла объясняться к Асе Белой по поводу пропажи у нас фотоаппарата.

Составил план работы среди жен фронтовиков. Надо создать «совет жен фронтовиков». <...>

5 августа

Сообщения о взятии Орла 4/08. <...>

В 23 ч. радио предупреждает о передаче «важного сообщения» между 23 и 23.30. Вероятно, о занятии Орла и трофеях? Лезет тревожная мысль – не умер ли тов. Сталин? До сих пор ни разу не было подобной мысли. А возможно, о втором фронте и Турции?

В 23.40 передан приказ главнокомандующего т. Сталина о взятии Орла и Белгорода. Итог месячных боев с 10/07 – наша Красная Армия перешла в контрнаступление. Войска заняли Орел. <...>

Из 120 орудий в Москве в 24 ч. салют Красной Армии – слава павшим бойцам за Родину. <...>

7 августа

Вечером провел партийное собрание и ВЛКСМ по вопросу о сборе теплых вещей для Красной Армии. Почти все разводили руками – «что давать», «где взять». <...>

8 августа

<...> Паня что-то стала бурчать, что я не принимаю меры к Белому по поводу пропавшего фотоаппарата. Приглашает прийти сегодня к ним и предложить «вернуть» фотоаппарат или деньги. Я категорически отказался – чтобы не быть в дураках. Паня обиделась, стала дерзить, заплакала и говорит: «Может ты кому подарил?» и т.п. Вот пристала, даже не рад, что этот аппарат был когда-то у меня. Прямо хоть скажи: «Он подарен».

Собственно, Паня нервничает от того, что на работе у ней неважно и слаба здоровьем. <...>

28 августа

<...> Собрание женщин и матерей военнослужащих состоялось, присутствовало 19 из 40 возможных. Избрали Совет. Председатель – Котова.

31 августа

В 6 ч. ушел на станцию – в 6.30 провел митинг вокз[ального] хозяйства. Всего около 50 человек. Сообщил о занятии Красной Армией Таганрога – выступили Барабаш, Гаврилов, Шатохин, Акимов. По предложению Барабаша (слесарь) собрали свыше тысячи руб. на подарок освободителям Таганрога. Днем был в городе – занес в редакцию «Красное Знамя» заметку о проведении митинга. Побрился и зашел на море у Ривьеры, принял солнечную ванну 1 час и выкупался 5 раз.

Вечером передано о занятии г. Ельня. <...>

Сообщение о Ельне сразу насторожило меня. К тому же от Виулена – дорогого сынка – [сообщение] в последнем письме. Он предупреждал, что если от него не будет долго писем, чтобы мы «не беспокоились», а сегодня наше письмо вернулось обратно от него с надписью «выбыл». А он, я понял, все время стоял под г. Ельня и ждал наступления, как он писал в письмах. Вероятно, он готовился на танке в глубокий рейд на прорыв Ельнинского фронта. В 11.30 сообщили «Слушайте правительственное сообщение в 02.30». Мы с Паней в ожидании этого сообщения съели два арбуза, а вечером она напекла пирожков со сливой. Что-то стонет Паня, жалуется на боль в области сердца.

1 сентября

Ночь ясная, тихая. В чем же дело? Уже 1 ч. 10 м., а правительственного сообщения все нет: о чем хотели сообщить, не о втором ли фронте?

5 сентября

Паня на базаре, я роюсь в книгах. На станцию что-то сегодня не тянет. Отложил брошюры прочесть: Матюшкина «Истребить немецко-фашистских оккупантов», Александрова Г.

«Гитлеровский план порабощения Европы», «Почему Гитлер потерпит поражение» и В.И. Ленина «Письма Горькому». Решил посмотреть о фашизме еще раз эти брошюры, чтобы еще яснее передавать рабочим лицо врага, с которым воюет советский народ и льет драгоценную кровь. <...>

Пришла Паня, сварила кое-что покушать.

Паня продолжала варить к обеду что-то. Я в кровати продолжал читать Ленина. Вдруг слышу частый стук в дверь. Паня открыла, с кем-то поговорила – опять тихо, 1–2 минуты – затем рыдание Пани. Я вскакиваю, в руках у ней распечатанное письмо – она в слезах проносит тяжелые слова: «Наш Виулен убит». Я не верю – хватаю письмо, читаю извещение командира части, сообщающее о геройской смерти сына, целую окровавленную карточку, присланную командиром.

Читаю «извещение» (безудержно плачу). «Ваш сын командир танка воинской части 29537 лейтенант Дьяков Виулен Александрович, уроженец г. Москвы, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 12 августа 1943 г. Похоронен: Смоленская область, Спасо-Демьянский район, д. Губино на гражданском кладбище. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (пр[иказ] НКО СССР). Командир части Халин. Зам. начальника штаба Панин».

Не хочу верить. Возмущаюсь, мысленно ругаю командира части: «Зачем прислал такое письмо – «извещение», почему он так скоро его прислал, пусть я дольше лелеял мысль о сыне – любимом друге, что он жив и сражается там, вдали от нас, с ненавистным врагом...». А теперь окончен его жизненный путь на 20 году его жизни, ушел милый и нежный юноша – дорогой для меня человек. Для него я прожил 20 лет, с ним мы терпели нужду и горе. С детства неразумное взаимоотношение мое и матери все время тяготело над ним. Он жил как сирота. Мать не любила его – гнала. Я же не мог жить без него. Живя со мной, он любил меня и Паню. Паня все свои силы молодые, как родная мать, отдавала ему – это он сказал, уезжая от нас весной 1941 г. в Москву, прощаясь со слезами, сказал ясно и в дальнейшей переписке неизменно это подчеркивал. Вот последнее письмо моей жене Пани от 3/08.43 г. За 12 дней до геройской смерти:

«Здравствуй, дорогая Паня!

Получил письмо от тебя и от папы одновременно. Большое спасибо тебе. Каждое твое письмо напоминает мне то время, которое я провел в Сочи и которое я считаю самым счастливым!!!». Далее он делится с Паней своими сокровенными чувствами о любимой девушке. Он пишет: «Паня, у меня в Сочи осталась одна девушка – Пруидзе Надя. О ней я все время беспокоюсь. Тебе признаюсь я в том, что крепко уважаю ее и люблю... Твоя фотокарточка у меня есть. Я ее тоже храню... Крепко целую и обнимаю. С приветом 31.07.43 г. В. Дьяков».

Это последнее его письмо Пани – женщине формально чужой, но в жизни – родной. В этом его высокое содержание молодого человека. Этим он воздает честь чужой женщине, которая заменила ему родную мать в юношеские годы, с 12 лет до 18. Но его уже нет! Как жаль! В пакете с фронта вместе с извещением присланы фотокарточки, которые он хранил, вероятно, на своей груди под сердцем, как дорогие в жизни. Они все в крови. Смотрю я, смотрит Паня на эти фотокарточки и груду писем, которые он писал нам из Пушкинской школы из Ленинграда, затем из Рыбинска, потом с фронта... Плачем безудержно...

Вот фото девушки Маргариты Яковлевны Альшевской с надписью: «На память брату от сестры 1941 г.». Будучи 16–17-летним школьником, дружил с ней – тогда наивно – чистая дружба как брат с сестрой. <...> Вот фото самого близкого товарища по Сочи Бориса Гегечкори, которого Виля буквально любил как девушку. Они вместе участвовали в футбольных матчах, бродили по сочинским горам и прекрасной окрестности, плавали в море и т.д. Недавно он был в Сочи, спрашивал о Виле. Мы дали ему адрес. Виля в письмах жалуется, что никак он с ним не наладит переписку. <...>

Он действительно погиб и пролил свою чистую кровь за честь, свободу и независимость нашей Родины. Вечная память, дорогой любимый мой сын Виулен, безвременно погибший от руки фашистских людоедов. Память о тебе никогда не изгладится в моем сердце и у тех, кто тебя знал близко. Нет сил больше записывать эти строки, дорогой сын.

Всматриваюсь в фото, залитое кровью: ясные глаза, слегка грустное лицо напоминает мне тот последний день отъезда из Сочи и прощание. Прощаясь, я плакал, а он, как взрослый, утешал меня, уверял, что еще увидимся. Но я чувствовал тогда, что отрывается от меня живое тело и больно было, что его не будет больше с нами. Так оно и получилось: его не увижу больше и не услышу его иронически подтрунивающий голос после моей неудачи или пора-

жения за шахматной доской. Не верю, и нельзя поверить, что его нет в живых – «извещение» из части с печатью подтверждает этот страшный факт... Трудно мне! Могу ли я пережить – смогу ли я завтра так же бойко читать доклад или беседу рабочим, увлекаться материалом, историей, международным положением и т.д.? Нет, образ Виулена не изгладится из памяти. В его имени не только он мой сын – с его рождением я связал всю свою жизнь, идею моей жизни и Великого человека Ленина. «ВИУЛЕН» – имя – это сочетание начальных букв: Владимир Ильич Ульянов Ленин. В предпоследнем письме Пане он писал, что «оформляется кандидатом в партию Ленина». Это то, о чем я мечтал. В этом сказалась его зрелость и благородный поступок: ему еще нет 20 лет, а он решил из комсомола идти дальше. <...>

6 сентября

<...> Видел сон, как будто я пришел на заседание Совнаркома или иного какого-то совещания, где ясно видел среди присутствующих тов. Сталина и произносившего речь тов. Кагановича Л.М. (сидя). Настроение у всех было веселое – переговаривались между собой о каких-то делах, мне непонятных. Я уже почувствовал неловкость, «не уйти ли», – мелькнула мысль. Сталин раза два глянул в мою сторону... Встал и опять остановился у письменного стола, где разложены фотокарточки Виулена и его друзей, присланные из его части с фронта.

Опять пристально вглядываюсь в черты этого скромного, честного, благородного юноши. Грустное лицо его – до глубины режет сердце. Вспоминаю его детство, последние юношеские годы в Сочи, когда я не мог обеспечить ему в его возрасте одежду, обувь, даже денег в культучреждения – театр, кино. Иногда даже на стрижку не хватало. Оторванность от родной матери, от брата, бедные условия, недоедание – все это отразилось на нем, поэтому и на лице его такой отпечаток – как бы переживаний много не по возрасту. Конечно, не это одно – как я знаю, он человек был впечатлительной природы – быстро привязывался к людям, друзьям и разлуку очень сильно переживал. Условия на фронте его очень не удовлетворяли, т.е. местность. Как он писал: так надоели эти леса, грязь, сырость Смоленщины. Как он хотел быть на юге: «Это можно только если быть раненым или контуженным, но, вероятно, никогда».

Встала Паня. Также подошла к столу и опять в слезы, пересмотрела все карточки и не смогла удержаться от слез, не удержался и я ... тяжело... невозможно описать. Как же мать переживет, узнав об этом, кто ей сообщит? Придется мне сообщить через Ваксмана. <...>

В 10 ч. ушел на станцию. Шел как пьяный. Все изменилось: люди иные, улицы как будто не те. Знакомые, встречаясь, спрашивают: «Что ты, т. Дьяков, болен?» Начинаю объяснять, в чем дело, и не выдерживаю: слезы, рыдания. Прошу закурить – затягиваюсь, слезы прекращаются – так добрал до своего кабинета. <...>

Домой пришел в 20 ч. – еле дошел. Войдя в квартиру, увидел Паню в слезах, опухшую. <...>

Смотрю на фото Вили. Бедный мальчик, скажи же хоть слово, как ты мучился перед смертью, нельзя ли было спастись? Не ошибся ли ты, давая команду, не подвели ли тебя бойцы твоего танка? Молчит – навеки. Написал сегодня в часть командиру письмо с просьбой описать.

7 сентября

Сегодня 7 сентября, а я записываю «30 августа». В чем дело? О чем я думаю? – Все о том же пакете из части 29537. Третий день он лежит на моем столе и выматывает душу. <...>

Что же делать? Проситься опять на фронт – вот что! Пусть погибну и я в бою с лютым врагом, пусть моя кровь сольется с кровью Виулена и миллионов, как он, погибших за правое дело.

7.30 – иду в фотографии договориться переснять и увеличить фотографию Виулена – последний снимок в форме лейтенанта и курсанта – пусть останется память об офицере Великой Отечественной войны 1943 г.

Пишу письма сестрам Тане и Насте в Москву и брату Павлу в ст. Марьянскую. Пишу им о своем горе, о том, как я страдаю и плачу о вечной разлуке с любимым сыном... Да, вспомнил. Сегодня исполнилось мне 51 год от рождения. Что за несправедливость: я живу больше полвека, а сын – 19 лет 8 месяцев и 12 дней. Почему я живу, а он погиб – нужен ли я еще кому? Почему он умер так рано? <...>

Домой пришел в 9 ч. вечера. Выпили с Паней по рюмочке ввиду исполнившихся мне 51 год и за вечную память дорогого сына Виулена. Мы дали слово, как кончится война, съездить в д. Губино – посетить могилу Вили и впредь, пока живы, ежегодно 12 августа будем ездить поклониться могиле героя.

9 сентября

Признаться, вчера сообщение об освобождении Донбасса не произвело на меня того впечатления, как бывало раньше до гибели Виулена. На собраниях и планерках выступления вялые, как что-то связывает, застенчивость какая-то – голос какой-то фальшивый и самому не нравится. До вечера ходил из кабинета начальника станции в кабинет начальника вокзала и обратно. Так прошел день. Был на совещании хозяйств[енников] и секретарей об оборонительной работе (который раз? – разов 5 в том году), поболтали и разошлись, ничего конкретного не решили опять. Многие бросали реплики: «Зачем волноваться – все равно войне скоро конец» (имеется в виду капитуляция Италии). <...>

Ужинали с Паней, вспоминая Виулена, и долго после ужина перебирали его поведение, характер, капризы, способности и мечты... хороший был молодой человек... <...>

10 сентября

<...> Образ Виулена стоит в глазах... Вспоминаю случай грубого с ним обращения: в наказание предложил ему выехать из Сочи. Это было для него так обидно – он перестал у меня просить денег в баню, в кино, в парикмахерскую. Я раскаивался – он же боялся меня. Часто он был прав, а я придирался к нему – потом он прощал... Он был не злопамятный. Будучи в школе в Рыбинске, в письмах он все переоценил и писал о своей любви ко мне, уважении к Пани. Но я чувствовал тогда и сейчас, что остаюсь у него в долгу. До 13 лет возраста я ему отдал полжизни – бросил вуз, чтобы вырастить его, не уморить с голоду (1923–24 г.), день и ночь возился с ним, буквально заменял мать и няню. Души не чаял в нем. Но последние годы, с 15-летнего возраста, я не был в силах дать ему то, что хотел бы я сам. Пенсионер – 300 рублей, на иждивении жена Пани и он. На рынке дорого, в магазинах промтоваров не было, плохо одет и плохо кушал. Я страдал от этого: начал работать в технической библиотеке, немного улучшилось. Неуравновешенность его, вызываемая перепиской с ним безумной П.И., [которая] взвинчивала его, он иногда дерзил, пришлось разъяснять, иногда ссориться – не знаю, переживал ли он тогда так, как я? Но видно было: чем становился старше, тем меньше смеялся и больше стал замыкаться – это меня убивало. Только письма его впоследствии меня привели в равновесие, я убедился, что он самого лучшего отношения ко мне и к Пани.

С этого момента и за это я почувствовал к нему еще сильнее любовь: он стал для меня все. Его жизнь – моя жизнь, его смерть – моя смерть. Вот почему я не нахожу места себе сейчас, я брожу бесцельно целый день и не могу сосредоточиться на работе. Только сон в ночи разлучает меня с ним – дорогим моим Виуленом. <...>

18 октября

Встал в 4.30 – не спится...

Был в военкомате по вызову, где выдали вторично извещение о гибели сына Виулена, члена ВЛКСМ. Опять расстроился – не мог отвечать на вопросы: захватила спазма сердце, слезы брызнули потоком. Нач. фин. заявил, что пенсия не полагается. Я ответил, что я работаю и не претендую. <...>

Директор школы 72 Тютюников, встретившись, спросил: «Как живет Виля?» Опять слезы, удар по сердцу. Какая слабость! Переживают ли так другие? <...>

25 октября

Сегодня 3-я денежно-вещевая лотерея. Целый день готовил и проводил денежно-вещевую лотерею. К вечеру охвачено 82 из 113 чел. Подписались на 17 % к фонду зарплаты. Установка была дана не менее 10 %. <...>

В 21.30 по радио передали, что наши войска сегодня взяли Днепропетровск и Днепродзержинск. Я объявил пассажирам, еще не была посадка. Все единогласно аплодировали. <...>

27 октября

День рождения Пани – исполнился ей 41 год.

10 лет прожито с этой простой, но доброй женщиной, которая стала настоящим другом и товарищем в моей жизни, которая все свои силы отдавала мне и сыну Виулену, заменяя ему мать.

Встал сегодня в 4:30, вполне выспался. Поздравил Паню с днем ее рождения – это ей было приятно. Досадно, что военная обстановка мешает по-культурному, по-русски отмечать такие дни, как ее день рождения, так и мой. Я сижу, читаю и записываю кое-что, а Паня тоже не спит в постели – ей не спится, вероятно, передумывает все, что пережито за свои 41 год и, безусловно, делает вывод, что жизнь прошла, а жизни не видала.

С детства в няньках, в батраках, затем повзрослела – в прислугах. Всегда надо угодить, всегда прислужить хозяину и хозяйке, родственникам хозяйским и всем сопливым ребятишкам. Что можно видеть хорошего в этой обстановке? Единственно, что приходится слышать часто от нее: несколько светлых лет, когда она была девушкой (13–15 лет) и начинала кое-что понимать: ходила на «гулянки» и с подругами пели песни, а после один мрак. Живя со мной, 10 лет она тяготится прошлым. Политически сознательная, хорошая, рачительная хозяйка, добрая душой, но малограмотна. Это ее удручает: хотя бы работать более ответственную работу, но малограмотным не работать теперь не время – вот и приходится работать чем попало – рассыльной и прочую черную работу – скоро переведут в пошивочную – эта работа лучше, но она на всякой работе нервничает, потому что хочет сделать хорошо – «угодить» – привычка. <...>

30 октября

Встал в 5 ч., погода хорошая. Сегодня мы с Комаровым должны выехать в Туапсе на совещание. <...>

В 7.45 выехали на дрезине в Туапсе, куда прибыли к 11 ч., позавтракали с вином. С 12 начали совещание об аттестации инструктора т. Жарикова.

Первый раз я увидел разрушения Туапсе вражеской авиацией. Картина тяжелая – вокзала нет, клуба тоже, Дома управления ж/д отделения нет и др. домов. Вокзал, станция, отделение приютились в оставшихся кое-каких домах. Валяются опрокинутые паровозы, вагоны, самолеты на берегу моря, подбитые катера и т.д. Много «воронок» и вся территория изрыта. <...>

16 декабря

Сегодня исполнилось 25 лет со дня расстрела Шкуровско-Бичераховскими белыми бандами моей матери (52 лет) Марии Петровны за Советскую власть и за сынов-революционеров. Вечная память, любимая мать!!!

<...>

9 мая 1945 г.

Сочи. 2 часа ночи. Проснувшись, слышу радио: голос Левитана. Прислушиваюсь: объявляется акт о капитуляции гитлеровской Германии...

Бужу Паню, вскакиваю, кричу «Ура!» За стеной у Дикопольцевых кричат в ответ тоже «Ура!» и поздравляют с победой. Хожу по комнате, волнуясь, по радио играют марши, гимны. Недаром говорят, что «земля слухами полнится»: вчера целый день друг у друга спрашивали: «Когда кончится война?» Я в парикмахерской в 15 часов ответил на такой вопрос прямо: «Через пять дней». Оказывается, ошибся на 4 дня. <...>

ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 451. Л. 1–173. Подлинник. Рукопись.